

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

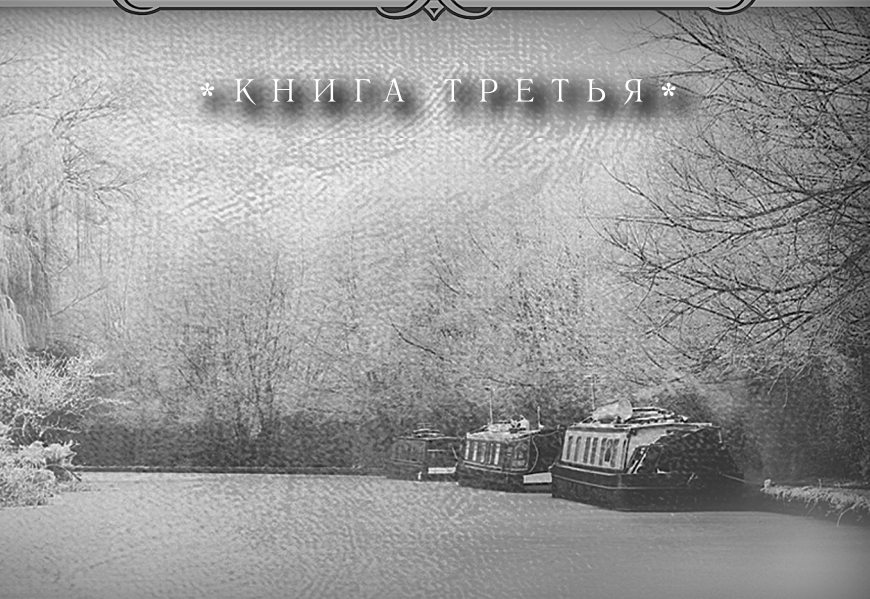
Санкт-Петербург, 2014

Б. Дж. Хофф

Река
МИЛОСТИ

* КНИГА ТРЕТЬЯ *

ББК 86.37
X85

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
RIVER OF MERCY
by B. J. Hoff

Published by Harvest House Publishers,
Eugene, Oregon 97402
www.harvesthousepublishers.com

Translated by permission.
All rights reserved.

Хофф, Б. Дж.

X85 Река милости / Пер. с англ. — СПб.: Виссон,
2014. — 496 с.

ISBN 978-5-905913-52-5

В третьей, заключительной книге трилогии «Хроники округа Риверхавен» автор многих бестселлеров Б. Дж. Хофф представляет читателям новую череду незабываемых характеров и коллизий. «Река милости» — это нежный любовный роман о духовном паломничестве людей, трогательная история из жизни амишей, которая происходила в прошлом, но обращена в настоящее.

ББК 86.37

ISBN 978-0-7369-2420-7 (англ.)
ISBN 978-5-905913-52-5 (рус.)

© В. J. Hoff, 2012
© Издательство «Виссон», 2014

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга рассказывает о жизни амишей. Но кто такие амиши, где они живут и что объединяет их общины в церковь?

Амиши или аманиты (сами себя они нередко называют *скромные люди*) — последователи радикального протестантского движения, основанного эмигрировавшим в Эльзас швейцарским священником Якобом Амманом. В 1693 году его сторонники откололись от меннонитов. В 1712 году французский король Людовик XIV за пацифизм изгнал из страны всех амишей. Большинство изгнанников поселились в соседних странах, а около трехсот человек отправились в Америку. После наполеоновских войн эмиграция амишей в Америку усилилась. Сегодня их численность там составляет около 150 000 человек. Живут они преимущественно в штатах Огайо, Пенсильвания и Индиана; небольшая группа амишей обосновалась в канадской провинции Онтарио.

Главная особенность вероучения амишей — строгое соблюдение установлений Священного Писания, в частности об отделении церкви от государства, и аскетичный образ жизни. Братья и сестры, нарушившие закон, изгоняются из общины,

и поддерживать с ними отношения запрещено. Крещение амиши принимают в сознательном возрасте, после чего главным для них становится *рождение свыше*, то есть осознание необходимости изменения ума и духа в соответствии с Божьей волей, примирение с Богом через искупительный подвиг Иисуса Христа, примирение с братьями и сестрами и служение ближнему при полной изоляции от внешнего мира. Почти все амиши по возможности отказываются от использования технических средств, ездят в старинных повозках на конной тяге, пашут землю плугом, носят одежду и головные уборы определенных цветов и фасонов, женатые мужчины не бреют бороду. Амишам запрещено служить в армии. Браки они заключают только с амишами. Культовых зданий у них нет, и молебны проходят в домах членов общины, причем язык богослужения амишей — архаичный (XVIII века) литературный немецкий, а язык общения — один из диалектов разговорного верхне-немецкого, так называемый *пенсильванский немецкий*. Английский язык амиши учат в школе и используют для общения с внешним миром.

Оказавшийся в центре предлагаемого вам повествования округ Риверхавен, штат Огайо, как и городок Риверхавен, является вымыслом автора, а вот сам штат Огайо расположен на северо-востоке США, и в наши дни в нем проживают примерно 45 000 амишей.

И еще одно важное пояснение. В первой половине XIX века США были страной наполовину рабовладельческой, наполовину свободной. С целью освобождения рабов там практиковалась тайная переправка их с юга на север страны или

в Канаду. Инициативу в этом деле взяли на себя несколько религиозных общин. Законы о беглых невольниках, принятые в 1793-м и 1850 годах, предусматривали их поимку и возвращение прежним хозяевам, но люди были готовы к ненасильственному неповиновению законам, которые они считали несправедливыми. Движение получило название *подпольной железной дороги*, потому что его участники пользовались терминологией железнодорожников. *Проводник*, хорошо знающий местность, переправлял одного или нескольких невольников, или *пассажиров*, со *станции*, которой обычно служил дом сочувствующего *начальника станции*, на другую *станцию*, и так далее, пока беглецы не оказывались на свободной территории. Обычно люди передвигались под покровом ночи. Это было чрезвычайно опасным делом: в случае поимки *проводникам* и *пассажирам* в равной мере грозило суровое наказание вплоть до смертной казни. Хотя *проводников* и *начальников станций* было относительно мало, их усилиями были освобождены десятки тысяч рабов. Героизм борцов за свободу способствовал росту настроений против рабства, что в конечном итоге привело к принятию в 1862 году Прокламации об освобождении, а в 1865-м — Тринадцатой поправки к Конституции, запрещающей рабство и принудительный труд, кроме наказания за преступление.

ОТ АВТОРА

Множество людей помогли мне писать эту книгу, и всем им я весьма благодарна, но особую благодарность мне хочется выразить...

Моему супругу Джиму, который хотя и постиг воистину уникальные вещи из числа не поддающихся моему разумению, однако не донимает меня шуточками о моем бессилии (он читает старинные карты и вычисляет, за какое времени багги может переместить тебя из пункта А в пункт Б). К тому же он терпеливо сносит мою ирландскую живость, не упуская случая повеселиться над ней.

Моим дочерям Дане и Джесси, которые молятся обо мне, болеют за меня и безропотно терпят меня в те моменты, когда наступают предельные сроки сдачи моих рукописей в издательства и тому подобные бедствия. Когда они пытаются меня утешить, я не могу не улыбнуться.

Моим внукам Ною, Гуннару и Калебу, которые неустанно обогащают мою жизнь. Они постоянно изображают что-нибудь смешное, да так, что я буквально покатываюсь со смеху.

Дорогим подругам — Шерил, самой отважной и неунывающей женщине из мне знакомых; Саре, подлинной стальной магнолии*, которая не перестает меня удивлять; Шарлотте, которая не дает мне превратиться в развалину, молится обо мне и, случается, угощает удивительными яствами; небезызвестной «Отцу Небесному» Уэнни, берущей Божье Царство с помощью бархатного молота; и Эдит, которая делает для меня столько всего, что и не перечислить. Да благословит вас всех Господь!

Моему многострадальному редактору Нику Харрисону, святому в мантии долготерпения, который закатывает глаза лишь тайком от меня.

Шейну Уайту, неутомимому покровителю и неисправимому оптимисту.

Как всегда, моему литературному агенту и подруге Джанет Кобобель Грант, которая еще ни разу в жизни не разочаровалась во мне.

Келли Стэндиш, подруге и специалисту в своем деле, которая не упустит случая по крайней мере раз в неделю преподать мне что-то новое, когда водит меня за руку по кошмарным лабиринтам киберпространства.

«Harvest House Publishers» — издательству неподкупной честности, в котором пишущее братство и сестричество принимают за родных и друзей. Все вы и каждый из вас оказались для меня одним огромным благословением!

* Отсылка к американскому кинофильму «Стальные магнолии» (реж. Герберт Росс, 1989), экранизации одноименной мелодрамы Роберта Харлинга. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

И, наконец, всем, кто читает мои сочинения. Мне повезло иметь терпеливых и мягкосердечных читателей, которые непрерывно ободряют меня своими посланиями и молитвами. «...Благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас...»

Спасибо моему Богу, Который, сама не знаю как, всегда помогает мне выжить в беде.

❧ ПРОЛОГ ❧

ЧЕРЕДА БЕССОННЫХ НОЧЕЙ

*Иду я теперь, словно странник, чужой,
По зале для пиришеств, отныне пустой*.*

Томас Мур

*Амишское селение близ Риверхавена, штат Огайо
Ноябрь 1856*

Рахили Бреннеман нравилось бродить вдоль реки. Первые годы после переселения «скромных людей» в Риверхавен были временем, когда на прогулку она выходила без опаски, все равно днем или вечером. После свадьбы Рахиль всегда выбиралась вместе с мужем Илием погулять ближе к ночи у реки и заодно подвести итоги минувшего дня, составить планы на день грядущий или просто помечтать о будущем. Когда ее Илий погиб, Рахиль перестала с наступлением сумерек выходить из дома, хотя иногда и устраивала тотчас после полудня обеда на свежем воздухе

* Из стихотворения «В ночной тишине» в переводе А. Шабельникова.

со своей десятилетней сестрой Фанни. И тогда, сидя в спускающемся к реке саду, они разглядывали прекрасные большегрузные корабли и суда поменьше, что шли вверх и вниз по реке Огайо в неведомые им края.

Теперь амиши даже среди бела дня нигде за пределами общины не чувствовали себя в безопасности. И точно, после убийства Илия Бреннемана и Фиби Эш и череды иных бед и напастей, которые с недавних пор навалились на «скромных людей», покоя они не знали. Поэтому вечерами — что уж говорить о ночном времени! — Рахиль, как затворница, в полном одиночестве сидела в своей спальне возле окна, утепленного по причине недавно разыгравшейся непогоды.

Ноябрь был месяцем унылым, и хотя ночные звуки — плеск воды вдалеке, пароходные гудки — неизменно воскрешали в сердце Рахили мучительные воспоминания, ей всегда нравилось, расположившись у окна, вслушиваться в голоса полноводной Огайо. Порой всматриваясь во мглу за окном, отчасти с целью отвлечься от шепотка вступивших в общение друг с другом призраков, Рахиль старалась не давать воспоминаниям пересекаться с мечтами, дабы из их праха не воскресали надежды.

«И старайся не думать об Иеремии».

Но разве могла она о нем не думать? Разве женщина может любить мужчину — пусть ее любовь

и поставлена под запрет — и не рисовать в своем воображении его лица, не слышать его голоса, не припоминать его улыбку?

Здравый смысл, казалось, говорил Рахили, что проще всего выкинуть этого человека из головы, тогда и всем бедам конец. Они не могли быть вместе. Они не могли даже поздороваться друг с другом без церковного осуждения. Случись им невзначай где-нибудь встретиться, как по предписанию им следовало без малейшего промедления отойти друг от друга.

И все же в пику всякого рода правилам и ограничениям, согласно которым им обоим запрещалось уединяться друг с другом, Иеремия оставался существенной частью жизни Рахили. С той же необратимостью и полнотой, с которой Огайо, пробивая русло, катит свои воды по долинам штата, он обитал в сердце Рахили, сливаясь с потоком не только ее бытия, но также жизни других амишей округа Риверхавен.

В последнее время в народе поговаривали о необходимости переселения в другое место. Два с лишним года треволнений, травли, угроз и даже убийств начали изнурять риверхавенских амишей. Ходили слухи, что церковное начальство обсуждает все «за» и «против» этого решения, взвешивая, оставаться ли людям в некогда мирной долине, ставшей пристанищем для всей общины, или готовиться к великому переселению.

Никто не заикался о поиске преступников и достойном им отпоре. Если бы кто-то из общины смог опознать своих мучителей, и тогда бы им никто не противостал. Амиши исповедуют непротивление злу насилием. Даже ради спасения собственной жизни они не желают с помощью силы сражаться со злом. Они выбирают другой путь. Наносить удары ближнему при каких бы то ни было обстоятельствах им запрещает *Орднунг** — неписаный, но строгий кодекс общинного бытия.

Рахиль знала только одного человека, который посмел нарушить этот запрет, правда не с целью самозащиты. Это был Илий, ее покойный супруг. Он оспорил амишский *Орднунг*, когда выступил на защиту жены против тех, кто напал на них в такую же ноябрьскую ночь, только четыре года тому назад. Илий дрался изо всех сил, с неумелым отчаяньем, ценой собственной жизни давая Рахили шанс убежать от обидчиков.

Тяжкий грех, что такая мысль приходила на ум Рахили — и она прекрасно это понимала, — но как часто она жалела, что в ту жуткую ночь не погибла рядом с Илием, ведь тогда бы ей не пришлось переживать полные уныния дни, которые потянулись по-

* *Ordnung* (нем.) — устав, положение, порядок. *Орднунг* у амишей — это устав, который, наряду с «Хартией амишей», в основном передается изустно и детально регламентирует их повседневную жизнь.

сле его смерти. Она была бесконечно предана мужу. Их брак оказался счастливым, поскольку они были близкими друзьями и добрыми супругами. Рахиль полагала, что после утраты Илия другого мужчину она уже не полюбит.

А потом в Риверхавене появился Иеремия Гэнт и перевернул всю ее жизнь. Он помог Рахили вновь полюбить — вот только любовь эту им запретили. Когда же Иеремия сообщил, что по доброй воле готов обратиться в амишскую веру, епископ Грабер отказался дать ему на это добро, оставив Рахиль с еще одной потерянной любовью и сокрушенным сердцем.

Может, и в самом деле народ должен покинуть Риверхавен... положив тем самым конец страхам и бесконечно мучительным воспоминаниям?

«И оставит Иеремию...»

От этой мысли сердце Рахили сжалось. Она больше никогда не увидит своего любимого? Он больше никогда так нежно не назовет ее по имени? Никогда не подарит предназначенную ей одной улыбку? Да как же она с этим справится?!

По правде говоря, Рахиль понимала, что лишится не только Иеремии, если «скромные люди» вынужденно покинут плодородную долину Огайо. Рахиль полюбила эту землю, эти предгорья и эту певучую реку. Когда она была еще ребенком, ее привезли сюда из других мест, которые она никогда не отважилась

бы назвать своей родиной. Здесь же, в Риверхавене, гостеприимство местных жителей всегда приятно гре-ло ей душу. Амишей здесь приняли, и эти края Рахиль ощущала своим домом.

По крайней мере, какое-то время назад все так и было. Рахиль сроднилась с этой землей, сделалась ее частью, и одна мысль о переселении заставляла ее несказанно горевать.

Она вздохнула, вспомнив, что пора взбить подушки и приготовиться ко сну, хотя терзавшая ее тревога отгоняла сон. Неужели ей предстоит пережить еще одну из череды бессонных ночей, когда ее мучают разные мысли, кружась в голове вроде хищных птиц и отнимая последние капли душевного равновесия?

Рахиль поднялась, чтобы достать одеяла и хорошенько укрыться на ночь от проникавшего в щели ветерка. Она понимала, что побежавшие по ее спине мурашки никак не связаны с движением воздуха. Слишком хорошо ей был знаком этот ледяной ветер одиночества, чтобы уповать на какое-то тепло, способное защитить от его порывов истерзанную муками душу.

ПОЕЗДКА В РИВЕРХАВЕН

*Раньше мне казалось,
что любовь приносит людям счастье,
но теперь я понимаю, что она может
обернуться несчастьем.*

Из личного дневника Фанни Канаги

Во время поездки в Риверхавен, даже охваченная глубокой печалью, Рахиль не могла не испытать наслаждения от музыки, звучащей в одной из двух церквей на главной улице города.

Погода для ноябрьского дня ближе к обеду установилась необычайно мягкая, и, наверное, в церкви отворили окна и двери, поэтому большинство слов духовного гимна в совместном общинном пении слышались довольно четко. Хотя музыка была церковной, Рахиль понимала, что ей не стоит давать волю чувствам: музыка отвлекает от всего на свете, но сегодня отвлекаться от мыслей о том, что ее ожидает, Рахили не хотелось.

Амиши проводят воскресные богослужения раз в две недели, а в свободные от богослужений воскресенья по обыкновению навещают родных и друзей. Рахиль не очень хорошо знала Элли Сойер, но в этот

особенный день ей вздумалось ее повидать. Время для посещения тех, кто не принадлежит к числу родных, было ранним, да и недавно овдовевшая миссис Соьер отправилась, по всей видимости, в свою церковь, так что Рахили надо было убить время, и она согласилась на предложение Фанни осмотреть красоты риверхавенского парка с его отличными лужайками для пикников. С одной из них открывался прекрасный вид на реку Огайо, пологие холмы по ее берегам и пристань вдалеке.

Вдовая мать Рахили и Фанни недавно вышла замуж за доктора Давида Себастьяна, и молодожены отправилась поездом в Балтимор, чтобы встретиться там с сыном доктора и его семьей, а сестры решили навестить Элли Соьер. Бедная молодая жена и мать лишь на днях узнала о трагической гибели мужа на ферме в Индиане, и теперь, вне всякого сомнения, глубоко скорбела.

Пока почтовое сообщение из другого штата о похоронах мистера Соьера дошло до Элли, минуло без малого две недели. Ужасная новость пришла слишком поздно, чтобы собраться в путь и поспеть на похороны мужа.

Рахиль не могла себе представить, как переживет это Элли. Когда она сама утратила Илия и ей надо было приготовить тело мужа к погребению, рядом с ней по крайней мере была вся ее родня. Возле ма-

тери и друзей Рахиль чувствовала себя надежнее — любая беда казалась ей не такой страшной. В трудную минуту амиши не оставляют амишей, помогая и утешая скорбящих столько времени, сколько на это требуется. Пережить смерть близкого человека всегда трудно, но когда рядом с тобой находятся любящие тебя люди, готовые разделить с тобой горе, боль утраты воспринимается немного легче.

Когда сестры проходили мимо церкви со звучащей из ее окон музыкой, Фанни чуть толкнула Рахиль:

— Хорошо поют *энглишеры**, *йа***? Эта музыка мне нравится. Тебе тоже?

Рахиль кивнула:

— *Йа*. Но на это нам нельзя отвлекаться ни сегодня, ни когда-либо впредь. Так давай же, коли мы здесь, уделим все внимание Элли Сойер.

— А миссис Сойер знает о твоём Илии? Ну, что ты тоже вдова?

Показалась дорога к парку, и Рахиль чуть сбавила шаг, а потом ответила:

— Не думаю. И мне не хотелось бы даже заикаться об этом, особенно сейчас. Элли незачем думать еще о чьей-то утрате, кроме своей.

* *Englischer* (*нем.*) — английский; так амиши называют всех белых американцев, не принадлежащих к числу амишей.

** *Ja* (*нем.*) — да.

— Просто я подумала, что ей это поможет. Хорошо, когда кто-то рядом понимает, что тебе пришлось пережить.

Рахиль поглядела на сестру. Фанни такая еще девушкашка, а совершает порой поразительные открытия. Может быть, она и права? Не станет ли Элли Сойер легче, когда она почувствует, что другая женщина способна ее понять и даже разделить с ней горе?

— Ладно, — сказала Рахиль, прежде чем оставила *багги*^{*}, — когда придет час, скажу.

Но, говоря это, в глубине души Рахиль надеялась, что этот час не придет. С тех пор как она овдовела, минули годы, так что незачем распространяться о подобных вещах, ведь ужасные воспоминания о смерти Илия с прежней силой примутся иссушать ее сердце.

* * *

Рахиль и Фанни пробыли в парке гораздо больше времени, нежели собирались. Оттепель воодушевляла пройтись по берегу реки, а открывающийся вид заслуживал того часа, который они, пораженные красотой божественного творения, здесь провели. К тому времени, когда сестры вернулись в центр Риверхавена, чтобы наконец навестить Элли Сойер, было уже два часа пополудни.

* Buggy (англ. и нем.) — легкий экипаж; традиционная в амишской среде повозка на конной тяге.

— Может, еще не поздно остановиться в гостевом доме? — в раздумье произнесла Рахиль. — Не хочется беспокоить дитя, если оно дремлет.

— Ах, сестра, мне так хочется увидеть ребеночка! Пожалуйста, давай заглянем к Соьерам хотя бы на пару минут!

Рахиль бросила быстрый взгляд на Фанни:

— Хорошо, но только на пару минут.

Она тронула вожжи, направляя *багги* к стоянке напротив гостевого дома, и кони тотчас замедлили ход.

— Капитан Гэнт! — вскричала Фанни, приподнимаясь на козлах *багги*. — Смотри, Рахиль, это капитан Гэнт!

Рахиль увидела спускающегося с крыльца гостевого дома Иеремию и снова натянула, быть может на этот раз с чрезмерной силой, вожжи. Заслышав возбужденный голос девочки, Гэнт остановился и помахал ей в ответ, затем дождался, когда Рахиль заведет на стоянку *багги*, и направился к сестрам.

Недовольная тем, как при виде Иеремии забилося ее сердце, Рахиль словно окаменела — какое-то время она сидела неподвижно, не выпуская вожжи из рук.

Иеремия подошел к повозке и первым делом обратился к Фанни, которая от волнения вертелась, как угорь на сковороде. С улыбкой отвесив поклон, он в очередной раз очаровал свою маленькую приятельницу.

— Ну, вот, неужели это сама мисс Фанни Канаги? Какая приятная неожиданность! — Затем капитан обратился к Рахили со смягчающей его мужественное лицо живой улыбкой: — Рахиль, — молвил он тихо, но глаза его досказали остальное, поскольку взгляд их был таким сердечным и... нежным, будто он гладил ее по щеке. — Здравствуйте.

Вот и все. В ответ Рахиль не смогла выдавить из себя даже простого приветствия. Если и в лучшие времена он лишал ее присутствия духа, то что уж говорить об этой неожиданной встрече? Женщина просто растерялась.

Высокий, в повседневной одежде — без пальто или накидки, хотя было ветрено и его темные волосы шевелил бодрящий ноябрьский бриз, — он был неотразим настолько, что непременно побуждал любую из проходящих мимо женщин обернуться и бросить ему вдогонку долгий взгляд. Только понимание того, что Рахиль не имеет права слишком пристально на него смотреть, придало ей сил и позволило после неловкой паузы заговорить. При этом у нее мелькнула запретная мысль, что улицы Риверхавена были бы куда безопаснее, если бы такие красавцы, как Иеремия Гэнт, сидели по домам.

Так вот, когда Рахили волей-неволей пришлось встретиться с Иеремией взглядом, она увидела, что он, вскинув брови и едва заметно улыбаясь, не сводит с нее глаз. Рахиль тут же откашлялась и сказала:

— Да, здравствуйте.

— Немного странно встретить вас в городе в воскресный день, — сказал капитан. — Вы ищете Гедеона?

— Мы приехали навестить миссис Сойер и ее ребеночка, — вставила Фанни.

— А с Гедеоном мы уже повидались. Он сегодня был дома — помог мне задать животным корм, ведь мамы и доктора Давида здесь нет, они уехали, — добавила Рахиль. — Вы получили от них весточку?

— Нет, но они вернутся через неделю. Ну, думаю, Элли вам обрадуется, — сказал Гэнт и кивнул в сторону гостевого дома. — Я только что оттуда. Элли и Ноеминь Фэй сейчас внизу. Элли снова работает: помогает на кухне Маре Бет.

— О, так скоро? — вырвалось у Рахили.

Он кивнул. Лицо его выражало полнейшую серьезность.

— Я думаю, Элли просто нужны деньги. Без мужа ей будет трудно поднимать ребенка. Кроме того, наверное, в таких случаях лучше работать и гнать подалее разные нехорошие мысли.

— Скорее всего, Элли здесь долго не задержится. Или у нее нет родных, у которых она могла бы найти пристанище?

Засунув руки в карманы, Гэнт нахмурился:

— С ее слов, она сирота, выросла в приюте. И, по всей видимости, с семьей мужа особенно не сроднилась. Такая вот она независимая...

Острая боль от какого-то колкого чувства застала Рахиль врасплох. Интересно, как могло случиться, что Иеремия так много знает об Элли Сойер? И, между прочим, отчего он так... о ней заботится?

Хотя, с другой стороны, Иеремия должен знать кое-что из обстоятельств Элли, ведь до того, как ее муж отправился на заработки в Индиану, он работал в столярной мастерской Гэнта. И озаботиться нынешним положением вдовы для него очень даже естественно. Иеремия — добрый человек. Он помогает всякому, кому приходится туго.

— Какой это для нее ужас, — молвила Рахиль, имея в виду, что раз Элли привыкла поступать по-своему, то как же с этим не считаться?

— А мы ей просто поможем, — воскликнула Фанни. — Многие захотят помочь вдове, ведь правда, сестра?

— Как же может быть иначе? — ответила сестре Рахиль и улыбнулась. — Ну... тогда мы, пока не стемнело, заглянем в гости к Элли. Не забудь пирог, Фанни.

Фанни спрыгнула с *багги* и быстро достала корзину с яблочным пирогом, который они испекли накануне.

— А вы, капитан Гэнт, когда к нам выберетесь? Думаю, Гром совсем по вам соскучился. Да и мы тоже, — прибавила как бы вскользь Фанни.

— Я не прочь, — негромко ответил Гэнт. — Думаю, Гром хорошенько подрос за то время, что я его не видел.

— *Йа*, он стал громадным! Мама говорит, он вырастет таким, что сможет потянуть фургон сена, если не перестанет расти не по дням, а по часам.

Гэнт рассмеялся:

— Будем надеяться, что таким гигантом Гром не станет!

Когда Рахиль начала спускаться с *багги*, Иеремия тотчас подал ей руку и в следующий миг снова заглянул ей в глаза. Они обменялись долгим взглядом. Краска бросилась в лицо Рахили. Возбужденная близостью Иереми, она стиснула зубы, чтобы сдержаться, да так, что в ее челюстях засаднило. Крепкая ладонь Иереми сжимала ее пальцы и держала их, казалось, слишком долго. Впрочем, когда Рахиль попыталась высвободиться, Иеремия тотчас подчинился этому робкому ее движению.

Женщина торопливо пробормотала слова прощания и направилась через дорогу в гостевой дом. По мере приближения к зданию она представляла себе, как за ней наблюдает Иеремия. И это все, чем она могла отвлечь себя от побуждения повернуть голову и посмотреть на любимого.

— Фанни, — сказала Рахиль уже на пороге, — больше не смей приглашать в гости капитана Гэнта.

Сестра метнула на нее лукавый взгляд:

— Но он же наш друг...

Рахиль в ответ глубоко вздохнула и договорила:

— ...и, увы, *ауслендер**.

Она сама удивилась собственной горечи, к тому же назвать Иеремию чужаком — какой поклеп!

Фанни, потупив взор, разглядывала порог.

— Он вовсе не чужак. — Она подняла глаза, чтобы заглянуть в лицо Рахили. — Капитан Гэнт добрый. Он заботится о нас. Разве это правильно, что мы не можем с ним дружить?

— Мы — друзья, Фанни, но нам нельзя быть... слишком дружелюбными с ним.

— Тебе, может, и нельзя, зато мама и доктор Давид думают по-другому.

— Что?..

— Они принимают капитана Гэнта, как любого другого человека. Иногда он обедает у них и играет с доктором Давидом в шашки, по крайней мере раз в две недели.

— Ну, это другое дело.

— Как это другое? Доктор Давид теперь — амиш, но он по-прежнему дружит с капитаном Гэнтом. — Рахиль соображала, что ей сказать в ответ непонятливой сестре, как вдруг недоуменное выражение лица

* *Ausländer* (нем.) — иноземец, иностранец.

девочки сменилось просветленным, словно она нашла искомый ответ. — Ага, просто он слишком сильно тебя любит, так ведь? Но вы не можете стать мужем и женой, потому что он не амиш, вот почему вы не можете быть даже близкими друзьями, но это касается только вас двоих...

Захваченная враспloch откровением Фанни, Рахиль проглотила ком в горле:

— Как-то так, *йа*.

Младшая сестра, которая, как внезапно осознала Рахиль, почти сравнялась с ней в росте, тронула ее за руку:

— Мне очень жаль, Рахиль. Мне не хотелось тебя огорчать.

— О, нет, Фанни, все в порядке. Я вовсе не огорчена.

Фанни наблюдала за ней:

— Тебя выдают глаза.

Рахиль подумала, что ей не следует обсуждать подобные вопросы с сестрой, как, впрочем, ни с кем другим. Тем не менее у нее вырвалось:

— Кто тебе сказал... о капитане Гэнте и обо мне?

— Я слышала, как об этом говорили мама и доктор Давид. — Фанни склонила голову. — Но я не подслушивала, Рахиль. Честное слово! Я просто вычесывала за кухней репейник из шкуры Грома и услышала их разговор. Потом я прошла в свою комнату, чтобы они

знали, где я была. Я не слышала всего. Кроме того, я уже давно сама поняла, что капитан Гэнт очень тебя любит. И я вижу, каким несчастным он стал в последнее время. — Рахиль молчала, поскольку хотела, проявив известное терпение, узнать нечто для себя очень важное. — Вообще-то раньше, — продолжила Фанни, — ему было легче, то есть не так больно, когда он на тебя смотрел. — Она смолкла. — А теперь ему на тебя смотреть — значит делать себе больнее прежнего.

Рахиль стояла, ошеломленная и безмолвная. Ее темные глаза горели. Наконец она выровняла дыхание, отворила дверь в гостевой дом, пропустила вперед Фанни и только потом прошла внутрь сама.

БУДУЩНОСТЬ И НАДЕЖДА

*...Только Я знаю намерения,
какие имею о вас, говорит Господь,
намерения во благо, а не на зло,
чтобы дать вам будущность и надежду...*

Иер. 29:11

Наблюдая за Элли Сойер, склонившейся над посапывающим ребенком в дальнем углу кухни, Рахиль подумала, что ни одна из ее знакомых не была красивее этой недавно овдовевшей женщины. Облик ее был тонким, великолепно выточенным, золотистые кудри мягко обрамляли лицо. Большие голубые глаза, пусть и печальные, были исполнены любви к ребенку.

Рахиль и Фанни очень мило провели здесь время. Жаль только, что оно промелькнуло как-то незаметно. Сестры явились сюда еще до того, как заснул ребенок, и миссис Хэйнинг настояла на том, чтобы Элли передохнула от своих кухонных забот и занялась гостями. Фанни пришла в совершенный восторг, когда ей разрешили взять на руки малышку Ноеминь Фэй. Да и Рахиль, подержав на плече малышку, насладилась нежной теплотой трогательного комочка, хотя потом, когда она подумала о младенцах, иметь

которых сама, наверное, никогда не будет, ее охватила щемящая тоска.

За время визита был только один неловкий момент, когда Элли узнала, что ее гости едва не разминулись с капитаном Гэнтон. Лицо ее враз омрачилось.

— Я знаю, что вы добрые друзья, — сказала она. — Уж он-то, конечно, не отказался бы с вами повидаться. — Рахили удалось выдать из себя пару пустых слов, на что Элли ответила: — Правда, капитан хороший человек? Представления не имею, как бы мы обошлись без его помощи! Очень мило с вашей стороны, что вы к нам заглянули, — продолжала она, провожая сестер к парадной двери гостевого дома. — Думаю, что тебе, Фанни, очень понравилась Ноеминь Фэй. Надеюсь, вы не забудете к нам дорогу и в ближайшее время снова нас посетите.

— Конечно, не забудем, миссис Сойер! — ответила Фанни. — Правда ведь, Рахиль? — Рахиль кивнула, глядя на Элли поверх головы сестры и чему-то улыбаясь. Потом, попрощавшись с Элли и уже выйдя на улицу, Фанни оглянулась на закрывшуюся дверь и заметила: — Какая она красивая!

— Да, очень красивая, — ответила Рахиль, в душе соглашаясь с сестрой, хотя что-то, и Рахиль отдавала себе в этом отчет, сдерживало ее чувства в отношении Элли. Ни с того ни с сего она не сумела проявить к Элли теплоту и душевность, хотя умом

понимала, что обязана это сделать, учитывая трагическую утрату и отныне неопределенную будущность молодой вдовы.

Вдруг ни с того ни с сего перед внутренним взором Рахили возник образ Иеремии, говорящего о своем беспокойстве по поводу молодой вдовы. Образ этот не давал разуму разобраться в происходящем. Чтобы избавиться от него, Рахиль на мгновение зажмурилась. Странное чувство, вдруг охватившее ее, было незнакомым, но она опознала его совершенно точно — это была ревность.

Открытие взорвало разум Рахили. Нарастающее чувство стыда охватило женщину. Она и не подозревала, что способна на такое ничтожное, такое незрелое чувство. Разве не учили ее с детства, что ревность — это жестокий, губительный грех? Ей полагалось радоваться благосостоянию и удачам ближних. Негодовать по их поводу ей запрещалось.

Если Иеремия и вправду полюбил привлекательную молодую вдову, а Элли в свое время полюбит Иеремию, то вот и хорошо будет обоим — и ему, и ей. Разве не так? Разве не об этом она недавно молилась? Разве не просила она Бога когда-нибудь подарить Иеремию блаженство с женой и собственной семьей? Разве не просила она Бога за Элли, чтобы та вновь обрела мир и спокойствие, избавившись от душевной пустоты и утешившись в своем горе?

Иеремия волен любить того, кого он полюбит, и, по всей вероятности, Элли тоже найдет возможность полюбить другого мужчину, отыскать себе новое счастье. Нет худшего греха, как не пожелать им любви, хотя одна мысль об Иеремии, взирающем на другую женщину с той нежностью, которую он однажды подарил ей самой, заледенелым лезвием резала на части сердце Рахили.

— Рахиль? — Голос Фанни, ее требовательный тон разом вернули Рахиль к реальности. — Ну, что? Поехали домой?

Только теперь, очнувшись от видения, Рахиль поняла, что сидит в *багги*, уставившись перед собой на дорогу, и не думает трогаться в путь.

— *Иа*, — сказала она дрогнувшим голосом. — Конечно, поехали.

* * *

— Что-то вас под вечер совсем не слышно, — несколько ворчливо заметил Аса, после ужина убирая со стола посуду. — Где болит, капитан?

Гэнт чувствовал на себе дружеский взгляд Асы, но старательно его избегал. Разумеется, многое Гэнта тревожило, но обсуждать это с Асой, по его мнению, не стоило. Вместо объяснений он поднялся из-за стола и подошел к печи, на которой грелась вода для мытья посуды.

— Так себе, ничего особенного, — протянул Гэнт и, чтобы сменить тему, задал встречный вопрос: — Ты сегодня не видел парня?

— Юного Гедеона? — Аса почесал затылок. — Нет, определенно нет. Ни разу за день. А вы?

Гэнт покачал головой:

— Нет, хотя отсутствие в мастерской по воскресным дням для него весьма обычно. Иногда в субботу вечером он уезжает к матери и остается там на выходной.

— Так не вы ли мне говорили, что его мать и доктор в отъезде?

— Да, в отъезде. Но Гедеон все равно присматривает там за хозяйством и сердится на себя, если выходит что-то не так, как надо. Он старается помочь матери и ее мужу всякий раз, когда туда выбирается.

Пока Гэнт наполнял раковину теплой водой, Аса молча его слушал.

— Хороший парень, ничего не скажешь. Почтительный сын.

— Да, это так, — подтвердил Гэнт, — но, я думаю, он принесет матери явно больше счастья, когда вернется домой и сделается почтительным амишским сыном.

— Ну-ка, капитан, сегодня моя очередь мыть посуду, — прервал его Аса, шутливо оттесняя Гэнта от раковины. — Вы думаете, парень когда-нибудь вернется в амишскую общину?

Отходя от раковины, Гэнт пожал плечами, между тем Аса, засучив рукава сорочки, погрузил руки в мыльную пену.

— Ладно, тогда я буду вытирать посуду, — сказал Гэнт, отправляясь на поиски чистого кухонного полотенца. — Раньше мне казалось, что он вряд ли вернется в свою общину. Теперь я в этом сомневаюсь. По-моему, тут, кроме хозяйства, может появиться другой магнит. — Намыливая блюдо, Аса испытующе посмотрел на Гэнта. — А что? — усмехнулся Гэнт. — Я видел, как он общается с одной амишской девушкой, когда та время от времени приезжает в город. Так вот, когда он приближается к ней на достаточное расстояние, чтобы потолковать один на один, я вижу, как он дуреет от чувств.

— Ах, вот оно что! Но если Гедеон вернется в общину, то уже не будет работать у вас в мастерской?

— Это не факт. Если не захочет работать на ферме в полную силу... Я знаю несколько амишей, которые совмещают работу на ферме с другой работой. Их пока немного, но я не удивлюсь, если в будущем за ними потянутся другие.

— С чего бы это? Я считал, что амиши себе не изменяют.

— О, я уверен, именно в этом их достоинство. Но интересно, чем они займутся, когда их земля истощится и уже не сможет кормить всю общину? В наши

дни повсеместно захватываются огромные куски земли, а еще у амишей есть обычай передавать землю в наследственное пользование, а семьи у них ох какие многодетные. Так что рано или поздно амишам волею-неволей придется осваивать новые поприща. — Вытерев насухо последнюю тарелку, Гэнт повесил полотенце на крючок у раковины. — Как бы то ни было, мне не хотелось бы потерять Гедеона. У него редкий талант к столярному делу, и чем дольше он у меня работает, тем более добросовестным работником мне кажется.

Аса пробурчал себе под нос:

— Он какой угодно, боюсь, но только не добросовестный.

— А я все слышал!

— Да кто бы мог подумать, что у вас плохо со слухом? — язвительно заметил Аса.

* * *

После этого замечания Гэнт разговорился. Как всегда, Аса помог ему справиться с дурным расположением духа. Если бы дело касалось обычных забот, Гэнт, по всей видимости, рассказал бы другу обо всем, что камнем лежало на его сердце, но обсуждать обстоятельства, связанные с Рахилью, он не мог даже с Асой.

Разумеется, больше всего Гэнта тревожила именно Рахиль.

Когда Аса улегся в постель, Гэнт еще посидел на кухне, размышляя о минувшем дне. Навестив Элли и ее ребенка в гостевом доме, Гэнт пребывал едва ли не в отличном настроении. Малышка одной улыбкой сумела проложить себе путь к сердцу Гэнта, и своей живостью она укрепляла сердце переживающей гибель мужа Элли. Как ни странно, но именно этой женщине, душевные раны которой от пережитых потрясений еще не зажили, суждено было стать ответственной за улучшение его настроения.

В некотором смысле Элли Сойер его озадачивала. Она была почти искренней в своих веселых причудах и поведении. Верно, она оставалась юной женщиной — почти что девочкой — и в то же время уже была матерью и даже вдовой. И все же она несла в своей душе нечто такое — своего рода невинность и оптимизм, — что не приличествовало ее нынешним очевидно тяжелым обстоятельствам. Воспитанная в приюте и рано, чуть ли не в детском возрасте, вышедшая замуж, а теперь и овдовевшая, с младенцем на руках, о котором ей предстояло заботиться, она находила в глубине своего существа то, что не позволяло ей терять присутствия духа во всех выпавших на ее долю испытаниях.

Но совершенно удивительным было то, что Гэнт никогда не покидал ее без чувства некоторого душевного облегчения, пусть и смешанного с долей смущения. Так же это было с ним и сегодня.

А потом, тотчас по выходе из гостевого дома, он встретил Рахиль, и прежняя тоска снова заговорила в нем во весь голос. Все, что он мог тогда сделать, это встретиться с ней взглядом, и мысль о том, что им, скорее всего, никогда не суждено быть вместе, ворвалась в его душу, как студёный зимний ветер, принеся с собой черную печаль.

Нет, ни с Асой, ни с кем бы то ни было еще Иеремя не мог говорить о Рахили. Но он также не мог перестать о ней думать, как не мог перестать ее любить, как не мог решительно покончить с упованием на то, что у них есть некая будущность. Безрассудство, конечно, но на самом доньшке его души теплилось нечто, по-прежнему похожее на надежду, что когда-нибудь риверхавенские амиши выберут нового епископа и тот примет в отношении него и Рахили единственно верное решение.

Недавно в амишской общине объявили, что нынешний епископ, престарелый Исаак Грабер, вот-вот удалится на покой. Все видели, как он изнурен. Большую тревогу у всех вызывало печальное состояние его умственного здоровья по причине застарелого диабета. Некоторое время назад Рахиль в немногих словах поведала Гэнту о свадьбе матери с доктором Себастьяном, и тогда же она вскользь намекнула, что не за горами день, когда из «скромных людей» амиши с помощью жребьевки изберут нового епископа.

Епископ Грабер отказался обратить Гэнта в амишскую веру и тем самым лишил его возможности жениться на Рахили. Гэнту оставалось лишь уповать на то, что новый епископ, может быть, проявит к нему бóльшую снисходительность и не будет столь предубежден. Из трех амишских служителей, имеющих право на участие в выборах, Авраам Гингерих и Малахия Эш могли пересмотреть решение епископа Грабера в пользу Иеремии и Рахили, однако, к сожалению, был еще один кандидат на должность епископа.

Этот человек многие годы преследовал Рахиль предложениями выйти за него замуж. Этот человек, по всей видимости, стал заклятым врагом Гэнта. Этот человек с огромным удовольствием лишил бы Рахиль и Гэнта возможности видеться даже мельком.

Если новым епископом будет избран Самуил Бейлер, то надежда Гэнта на будущее с Рахилью раз и навсегда лишится всякого основания.